

На концерте Владимира Крайнева в Большом зале Московской консерватории многие люди сидели и стояли в пальто. В помещении не перестали топить, просто пришло вдвое больше народу, чем зал, как и гардероб, могли вместить...

Владимир Крайнев — «лицей» высшего пилотажа в музыке. Он трогателен и наивен, чист и правдив в своих помыслах. Он один из немногих популярных в мире русских музыкантов, кто буквально разрывался на две части: выполняет свои обязательства по контракту в Ганновере и одновременно присутствует в России, где проводит конкурс юных пианистов, фестивали, куда приглашает своих друзей, где базируется его благотворительный фонд и т.д.

В БЗК Владимир Крайнев только что сыграл два знаменитых концерта для фортепьяно с оркестром — Пятый Бетховена и Первый Чайковского.

Оба концерта — высшие точки пианизма и «бестселлеры» фортепьянной и симфонической литературы. Поставить их рядом — большое испытание не только для исполнителя, но и для публики.

После концерта столкнулся с Николаем Караченцовым, обменялись репликами: «Почему на Вову все бегут сломя голову безо всякой рекламы?» «У него лучшая на свете реклама — он прекрасный человек. Еще раз убедился, что если большой талант десятилетиями не увядает, значит, его обладатель не может быть плохим человеком. Звоню ему, спрашиваю, что он делает. Отвечает: «Довожу мастерство до абсурда...»

«Русские идут»... в Большой зал консерватории

По всему миру рассеялись наши музыканты-виртуозы — кто в Англии и во Франции, кто в Америке и Японии. Когда их слушаешь на Западе, в контексте тамошней афиши ведущих инструменталистов они воспринимаются прежде всего как русские, обладающие признаками именно русской школы. Со времен Антона Рубинштейна, подтвержденная и развитая Сергеем Рахманиновым — это принципиально новая манера звукоизвлечения. У русских пианистов звук поет и тянется, дыхание широкое, музыкальная фраза как будто и не заканчивается, а просто плавно перетекает из одной в другую.

Поскольку на Западе русским музыкантам прежде всего заказывают русские блюда, делом чести для них становится завоевание права формировать репертуар по своему выбору. В стремлении русских исполнителей играть все — от Бетховена и Брамса до Шопена и Равеля — часто меняется арсенал средств. Русские инструменталисты, стараясь угодить западному вкусу, становятся «большими монархистами», чем сам король Людовик XIV: Моцарт у них сверхпрозрачен. Что до Чайковского и Рахманинова — их по инерции тоже пытаются «переосмыслить» на тот или иной манер до неузнаваемости.

Большинство живущих за рубежом русских музыкантов приезжают в Москву в БЗК не за заработком, а как в своего рода «чистилище». Хотя публика изменилась, как и все остальное в России, — уже не столь неподкупна и просвещенна, но сам зал, его акустика, атмосфера, освещение заставляют посмотреть и услышать себя со стороны.

Очевидно, что наши музыканты за рубежом чаще всего функционируют в режиме «русские идут». И только одно место в мире может продемонстрировать

Владимир КРАЙНЕВ: СПЛОШНАЯ ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ: ВСЕМ ВСЕ ДО ЛАМПОЧКИ

сто отказывается понять и принять «нового» Ростроповича, за что мэтр, в свою очередь, обиделся и образ в России теперь не желает.

Примеры можно продолжать. Самым выразительным, возможно, является «слово» Жени Кисина. Его пронзительный романтизм уступил место наступательно-агрессивной манере исполнения.

Владимир Крайнев представляет собой то исключение, с которым правило находится в полном согласии: он остался самим собой за те десять лет, что живет и работает в Германии, а играет по всему миру.

Гибкое перевоплощение Крайнева из музыкальных образов Бетховена в образы Чайковского — очень русский признак, апеллирующий к русскому театру, к гипотетическому воссоединению Станиславского и Мейерхольда. Уместно даже предположить появление некоего «Пяностического театра Владимира Крайнева».

Гастрольные «одиссеи»

— Еще не окончив Московскую консерваторию, ты стал лауреатом, но, наверное, главным, что определило твою судьбу концертирующего виртуоза, был конкурс Чайковского?

— Нет, первый же конкурс перевернул мою жизнь бедного студента Московской консерватории родом из Сибири. Получив премию в Англии на известном конкурсе в Лидсе, я сразу попал «в обойму» — меня пригласили в Америку на гастроль. Несмотря на то, что Америка кишится своим финансовым могуществом, там эталоном остается английская культура, особенно музыка: оркестры, исполнители, опера.

— До сих пор гастроль по бывшему Советскому Союзу требуют выносливости и даже доли героизма...

— Особенно от пианистов, которым приходилось играть

на инструментах немалого качества, часто расстроенных, с недостающими струнами и неработающими педалями.

— Как ты адаптировался, продолжая после зарубежных турне концертные поездки по родине?

— Помнишь, у нас всегда надо было «приурочить» культурное мероприятие к политическому? В 67-м году проводили серию фестивалей в связи с 50-летием Октября. Мы поехали по маленьким городам с баянистом Юрой

нашей исполнительской школы, которая до сих пор питала весь мир...

— Питает и будет питать. Другое дело, что приоритеты мы потеряли, а школа наша замечательная. Первая эмиграция 1905 года, а затем 17-го дала Америке русских музыкантов, они сформировали лучшие оркестры, которыми Штаты гордились до начала 70-х. Они держались на старой прочной русской скрипичной и виолончельной школе. Тогда возник кризис — необходимо

итальянская школа осталась самой лучшей. В Италии ее, например, просто нет. Но Италия дала Микельанжели и Поллини — для маленькой страны более чем достаточно. Россия в основном выпускает прекрасно экипированных мастеров, непревзойденный средний уровень. Личностей не хватает...

— Китай, Южная Корея и Япония полностью переняли методы нашей исполнительской школы. Как у них с личностями?

— Почему в закрытом советском государстве произошло такое невиданное накопление творческой энергии, а когда страна начала обмен с Западом, проявились черты острого кризиса музыкального искусства?

— Раньше все варились в одном соку: Лемешев, Голованов, Нежданова, Тарасова, Гольденвейзер, Ойстрах, Пастернак были близко знакомы, художественная элита Ленинграда, Киева, Еревана, Тбилиси тесно общалась — все друг у друга бывало. Дмитрий Журавлев был большим другом и поклонником Генриха Нейгауза, Фальк дружил с Нейгаузом и Рихтером...

Взаимоотношения между интеллектуалами России были питательной средой. Наши учителя любили «искусство в себе», а, начиная с нашего поколения, — «себя в искусстве». У них не было резона думать о деньгах или поездках. Страна открылась, и все засуетилось — для творчества стало не хватать сил и времени. Мы боролись за каждую поездку за рубеж, за право... играть! И всю жизнь — борьба.

Что наша жизнь — игра!

— Как тебе живется в Германии?

— Я там не «живу», а «работаю». У меня 29 человек, все хотят играть на конкурсах. Приходится заниматься с каждым два-три раза в неделю.

— Тебя на Западе тоже предпочитают «под русским соусом»?

— Когда это концерты с оркестром — да, в сольных программах выбираю я сам.

— Сегодня в БЗК случилось невероятное — потрясенная публика... не аплодировала между частями...

— Не все, стало быть, приехали на джипах и «Мерседесах» — были и просто музыкальные люди на «Жигулях».

— Насыщенность твоих интересов в России говорит о том, что эмиграция Крайнева в Германию скорей «виртуальная»?

— Какая это эмиграция — все здесь. Хотя здесь, как всегда, творятся фантастические безобразия: в конце прошлого сезона мне просто плонули в лицо. Я пригласил нескольких крупнейших западных солистов и оркестр Московской консерватории с дирижером Леонидом Николаевым. Все было оговорено — условия, количество репетиций, репертуар. Потом, сию же жюри конкурса Прокофьева в Петербурге, и мне сообщают, что Николаев с оркестром снимает себя с фестиваля ровно за две недели до начала! Безалаберность, бескультурье, нежелание отвечать за свои слова, выполнять договоренности, словом, обычное русское хамство, от которого меня оторвать берет!

— Как это сочетается с нашей «необъятной, щедрой русской натурой»?

— В том-то и дело, что эта гремучая смесь и есть та самая — «загадочная русская душа».

● Виктория ГАНЧИКОВА

Фото В. ГАНЧИКОВА

Казаковым. Он уже был гастрольным «асом», располагающим арсеналом средств воздействия на администрацию: рассказы о дружбе с космонавтами, фото заграничные. Он мог попасть в закрытый ресторан, поселиться в обкомовской гостинице, сесть на самолет без билета и места и тому подобное, чему я завидовал больше, чем музыкальным достижениям. От него я впервые услышал слово «антиреагин», который надо вырывать в себе для того, чтобы сохранить себя, развешая с гастрольями по нашей необъятной стране. Когда я возвращался из-за границы и надо было бежать в магазин, стоять в очереди, «доставать продукты», терпеть хамство, я использовал совет Юры. Я хотел беречь свой темперамент, реактивность для сцены, а не на борьбу с таможенниками, Госконцертом, чиновниками. В начале 90-х годов я начал возить своих учеников. Прежде всего я их научил терпеть и не реагировать. На всякий случай я возил их в те города, где были друзья. Я брал с собой продукты для всех и прошил друзей готовить, чтобы молодые хрупкие дарования не скончались от голода во время первой же гастрольной поездки.

— «Культура — в массы» — почему этот лозунг остался утопией? Плохо осуществляли, или искусство должно оставаться элитарным?

— Ты сама дала определение — утопия, она и не может быть осуществлена. Во все времена культура была элитарна. Другое дело, что периодически необходимы свежие силы — так было и у нас после революции, но только до тех пор, пока все не было перекрыто бюрократией, пока не пошли галочки для отчетов. Тогда был осуществлен лозунг «сплошной электрификации», то есть — всем все «до лампочки».

— Музыкальное искусство формируется столетиями. Стоит вопрос о разрушении

было свежее вливание, которое мы тут же и обеспечили Америке. Мы им замечательно помогли своими эмигрантами. И сейчас продолжаем «помогать».

— В чем феномен нашей школы, почему, несмотря на трудные условия, именно в России появляются Гилельсы и Коганы, Крайневы и Спиваковы?

— Лучшим подарком для советского патриота был... выезд за границу. В России испокон века основной массой музыкантов были евреи. Такое понятие, как «черта оседлости», развивало до параметров страсти и фанатизма стремление вырваться не просто за эту черту, но в другой мир. Еврейские мамы говорили: «Учись! Занимайся, Буся, если хочешь жить по-человечески!» Это становилось законом. Еврейские музыкально одаренные детки вкалывали на скрипичках, виолончельках и рояльчиках, как в забое. Предложения приятелей пойти погулять или поиграть в футбол воспринимали как провокации — плакали (поиграть-то хотелось), но инструмент из рук не выпускали — получались Менухины, Хейфицы и Горовицы...

— В советское время никакой «черты оседлости» не было...

— Но весь советский народ жил за «чертой оседлости» по отношению ко всему миру. Ты знаешь, что я не только специалист по фортепьяно, но волей судьбы, еще и хоккея, и фигурного катания. Если взять последние 20 — 30 лет, то взлет всех перечисленных родов искусства и спорта состоялся потому, что для людей, пришедших туда, это была возможность прорыва, катапультирования из советской действительности, отстраненной от других измерений, в свободный мир, в свободный полет...

Отношение к игре на инструменте у детей с пяти лет было профессиональное. Закладывался мощный фундамент. На Западе этого не существовало до тех пор, пока не приехали наши педагоги и не научили. Хотя наша испол-

нительская школа осталась самой лучшей. В Италии ее, например, просто нет. Но Италия дала Микельанжели и Поллини — для маленькой страны более чем достаточно. Россия в основном выпускает прекрасно экипированных мастеров, непревзойденный средний уровень. Личностей не хватает...

— Китай, Южная Корея и Япония полностью переняли методы нашей исполнительской школы. Как у них с личностями?

— Почему в закрытом советском государстве произошло такое невиданное накопление творческой энергии, а когда страна начала обмен с Западом, проявились черты острого кризиса музыкального искусства?

— Раньше все варились в одном соку: Лемешев, Голованов, Нежданова, Тарасова, Гольденвейзер, Ойстрах, Пастернак были близко знакомы, художественная элита Ленинграда, Киева, Еревана, Тбилиси тесно общалась — все друг у друга бывало. Дмитрий Журавлев был большим другом и поклонником Генриха Нейгауза, Фальк дружил с Нейгаузом и Рихтером...

Взаимоотношения между интеллектуалами России были питательной средой. Наши учителя любили «искусство в себе», а, начиная с нашего поколения, — «себя в искусстве». У них не было резона думать о деньгах или поездках. Страна открылась, и все засуетилось — для творчества стало не хватать сил и времени. Мы боролись за каждую поездку за рубеж, за право... играть! И всю жизнь — борьба.

Что наша жизнь — игра!

Как тебе живется в Германии?

Я там не «живу», а «работаю». У меня 29 человек, все хотят играть на конкурсах. Приходится заниматься с каждым два-три раза в неделю.

Тебя на Западе тоже предпочитают «под русским соусом»?

Когда это концерты с оркестром — да, в сольных программах выбираю я сам.

Сегодня в БЗК случилось невероятное — потрясенная публика... не аплодировала между частями...

Не все, стало быть, приехали на джипах и «Мерседесах» — были и просто музыкальные люди на «Жигулях».

Насыщенность твоих интересов в России говорит о том, что эмиграция Крайнева в Германию скорей «виртуальная»?

Какая это эмиграция — все здесь. Хотя здесь, как всегда, творятся фантастические безобразия: в конце прошлого сезона мне просто плонули в лицо. Я пригласил нескольких крупнейших западных солистов и оркестр Московской консерватории с дирижером Леонидом Николаевым. Все было оговорено — условия, количество репетиций, репертуар. Потом, сию же жюри конкурса Прокофьева в Петербурге, и мне сообщают, что Николаев с оркестром снимает себя с фестиваля ровно за две недели до начала! Безалаберность, бескультурье, нежелание отвечать за свои слова, выполнять договоренности, словом, обычное русское хамство, от которого меня оторвать берет!

Как это сочетается с нашей «необъятной, щедрой русской натурой»?

В том-то и дело, что эта гремучая смесь и есть та самая — «загадочная русская душа».

Виктория ГАНЧИКОВА

ВНИМАНИЮ КИНОМАНОВ!

16 февраля Валерию Аркадьевичу Гинзбургу, кинооператору милостью Божьей, светлому и доброму человеку, исполнилось бы 75 лет.

В этот день в Музее кино (Дружинниковская улица, 15, здание Киноцентра) откроется ретроспектива снятых им фильмов. В первый день — 16 февраля — «Пышка», 20-го — «Пятнадцатая весна», 23-го — «Комиссар», 27-го — «Деревня Утка», 1 марта — «Александр Галич. Изгнание».

Начало всех сеансов в 18 часов 45 минут.

А 17 февраля в 19 час. 30 мин. с показа картины «Простодушный» начнется ретроспектива фильмов Валерия Гинзбурга в Доме Ханжонкова: 18-го в 10 часов — «Когда деревья были большими», во все остальные дни — в 16 часов: 21-го — «Соучастники», 22-го — «Живет такой парень», 23-го — «Солдат Иван Бровкин», 24-го — «Комиссар», 25-го — «Деревня Утка», 28-го — «Приказ огня не открывать», 29-го — «Александр Галич. Изгнание».

Крайнев Владимир

14.2.2000